

P2
A65

**ЛЮБОВЬ
АНДРЕЕВА**

**СТРИЖЕНОЕ
ЛЕТО**

М РК 91 04

Э.К.

P2
A65

ЛЮБОВЬ
АНДРЕЕВА

**СТРИЖЕНОЕ
ЛЕТО**

С Т И Х И

Богдан

Центральная городская
библиотека
им. В. В. Маяковского

Южно-Уральское
книжное издательство
Челябинского

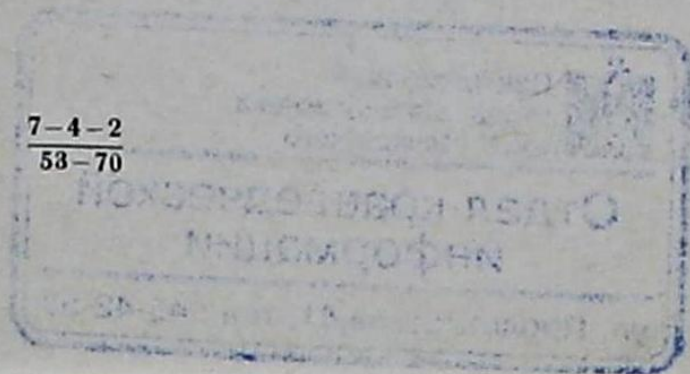
Отдел краеведческой
информации

ул. Пролетарская, 41, тел.: 45-42-53

P2
A65

7-4-2
58-70

Любовь Андреева — курганская поэтесса, участница V Всесоюзного совещания молодых писателей. Ее стихи знакомы читателю по журнальным и газетным публикациям, она — одна из авторов коллективного сборника «Подснежник». Искренность, образное восприятие мира, песенность характерны для ее творчества.

* * *

Я пока еще мало на свете живу.
Я по жизни иду, как идут по жнивью.
Колет босые ноги сухая стерня
И становится кожа грубей у меня.

Надо мной синей птицею небо летит.
Бьется мирное солнце у птицы в груди.
Впереди, я куда бы ни кинула взгляд,
Неоглядные дали ветрами гудят.

И встает за вопросом вопрос на пути:
Почему удержалась неправда в сети
Рядом с чистой правдой, плавник о плавник,
Если связаны петли размеров одних!

Почему рядом с солнцем темнит темнота!
Почему рядом с криком мычит немота!
Почему с прямотой двоедушье живет,
Как на поле пшеничном с пшеницей осот!

В жизни больше людей, чем в Галактике звезд,
И простой человек, он не так-то уж прост.

Я не верю гадалкам, не верю судьбе,
Только верю друзьям так, как верят себе.

Я пока еще мало на свете живу.
Я по жизни иду, как идут по жнивью.
Если кожа грубеет, то день ото дня
К людям сердце нежнее теперь у меня.

* * *

Разжимают одна по одной кулаки
Десять лампочек, свет выпуская.
Как ручьи, горячатся на грунте лотки,
Головою маршрут просекая.

А лебедку сечет неумемная дрожь —
Это трос своей силой кичится.
То он, словно бурлак, тянет на гору ковш,
То мальчишкой на ковшике мчится.

Я лопатой бетон из ковша достаю,
Как журавль кусок из кувшина.
А потом я его на лоток подаю.
Не легко. Это третья машина.

Мы строители, нам не впервые бетон
Принимать или землю ворочать.
Только хочется очень, чтоб кто-то потом
Знал, что здесь ты работал рабочим.

А работа твоя, пусть она с ногтей,
Поважнее хорошей зарплаты.

Забетонятся стены, исчезнет лоток,
Кладовщик спишет наши лопаты.

Мы уедем объектам давать имена.
Здесь остынут костры и сигарки,
Но останется цех для тебя и меня
В нашей памяти лампочкой яркой.

ИСКРЫ ЗЕМЛИ

Железо искрит, если молотом бить.
А может земля, как железо, искрить!
Мы землю копаем под новый «стакан».
Гудит под ногами земли барабан.

Четыре лопаты, а яма одна,
А может, четвертая в ней не нужна!
И, может, уйти мне на газобетон!
Там тоже не сладко, но там не в наклон.

Я знаю, что мне не уйти от друзей.
Я рядом с друзьями втрое сильнее.
Четыре лопаты, а яма одна,
И в яме любая лопата нужна.

Железо искрит, если молотом бить.
Земля, она тоже может искрить.
Она только сверху
Камень и лед —
Через полметра мягче пойдет.

* * *

Я приехала в город на попутной машине
Из деревни, от ветра обитой лесами,
С аттестатом, в заштопанной курточке синей,
С узелком и открытыми настежь глазами.

Город в руки мне дал не перо, а лопату
(Мы «дипломом» ее звали между собою),
Да еще мне дал город не цех, а бригаду
В семь сердец, а мое, значит, будет восьмое.

Дочерна загорели тела у моторов,
Добела отгорели у слесаря брови,
И казалось, что в жар от скупых разговоров
Обжигаются губы в нечаянном слове.

Мне тогда от бригады частенько влетало,
Потому что, как пешкою, жизнью играя,
Я себя подставляла под борт самосвала,
В люк гремучий балласт осторожно пуская.

Барабан накалялся горящим мазутом,
На весах асбокрошка сбивала отметку.

Оператор замесы считал по минутам,
И валился горящий асфальт в вагонетку.

Увозили его по три тонны в машине.
Мой асфальт. Он стекался дорогами в город.
Мой асфальт. Вот, наверно, по этой причине
Этот город, как первый учитель, мне дорог.

Не думала сама я стать поэтом,
Уговорив подружек сесть в кружок,
Вполголоса и под большим секретом
Я им читала простенький стишок.

Про то, что вот у тетки Соломеи
Дочурка непутевая растет,
Которой их сосед Алешка Зверев.
По вечерам проходу не дает.

Девчонки хохотали до упаду,
А тетка говорила мне сквозь смех:
— Как у тебя словам хватает складу!
Ну, молодец! Ты рассмешила всех.

Дни проносились быстрые, как кони.
Я, оборвавшись с гривы скакуна,
Ударилась о жесткие ладони
Рабочего стремительного дня.

Не велика строителя площадка.
А высока! Рукою не достать!

Не тяжело, а все-таки не сладко,
Не мачеха, а все равно не мать.

Взлетала «вира», опускалась «майна»,
Скрипел мороз веревками тросов.
Мы на карнизе, будто бы случайно,
Стояли без монтажных поясов.

О, молодость рабочего порыва,
О, руки золотые работаг,
О, злая жажда сделать все красивым,
Снести последний на земле барак.

Бригада — это то же государство.
Для всех закон — и для тебя закон.
Он запрещает бригадиру барство
Для всех для нас понятным языком.

Он разрешает, посмотрев по кладке,
Сказать соседу:
— Александр Кузьмич,
Теперь как будто все у нас в порядке,
Ты только здесь переклади кирпич.

Я научилась в простоте суровой
Не простоту, а сложность понимать.
И кто теперь докажет мне, что слово,
Не запывав, способно согреть!

Я не поэт, я — каменщик в поэзии.
Наощупь букву каждую беру.

Я в дактилях и в ямбах, как в професски,
Стираю пот и стыну на ветру.

Когда строка неровно ляжет в кладке,
Мне по привычке Александр Кузьмич
Напоминает:
— Все у нас в порядке,
Ты только здесь переклады кирпич.

СВАДЬБА

Мы сегодня Люську пропиваем,
Замуж нашу Люську выдаем.
Яблоки ядреные кусаем
И вино, хоть морщимся, но пьем.

Сколько вместе жито-пережито,
Сколько каши съедено одной.
Словно бабочка в сачке
Сидит она,
За столом перед его родней.

Исполняя ритуал женитьбы,
«Горько» белозубое кричим.
Гости за столом, по первой выпив,
Расшумелись, как весной грачи.

Грянули веселые баяны.
Мы уже не спорим, не грустим.
Поднимаем тонкие стаканы

И такие речи говорим:

201209

— Только вы по-нашенски, по-русски
Так живите, чтоб всегда вдвоем.
Слышишь, парень!

А не то мы Люську
От тебя сейчас же уведем.

КОЧЕГАР

Гудело пламя в горловине топки,
Захлебывалось в угольной пыли.
Гудели закопченные заклепки
И гуд, казалось, шел из-под земли.

А мы забыли, что в котельной душно,
Что дождь и в полночь не перестает,
Что на подаче ежится подружка
И нас уже минут пятнадцать ждет.

Облизывая то и дело губы,
Читал стихи усталый кочегар.
Да он и сам забыл, присев на трубы,
Про воду, про давление, про пар.

Он был не молод. Уголь из ладоней
Давно не мог отмыть,
Как седину,
А раньше в самом проклятом районе
Сопровождал составы на войну.

И вот теперь, прирученный к котельной,
Он прошлым жил, рассветами дышал.
И снова рвался к скорости предельной,
И темноту стихами раздвигал.

Усталый кочегар с горящим взглядом,
Как был он в то мгновение красив...
А он ведь жив, он ходит где-то рядом,
Меня стихом навывлет поразив.

ПОСЛЕ СМЕНЫ

Качая кварталов плечи,
Похож на транзитный вагон,
Идет мне город навстречу
Со всех четырех сторон.

В зауженных в меру брючатах
Спешат в общежития девчата.
Искрятся улыбки на лицах,
Асфальт от улыбок искрится.

Да им ли стонать и охать,
Из горя веревочку вить,
Когда рядом друга локоть,
Когда еще жить да жить!

Проходят спокойные токари,
Скрывая порезы в руках.
В них только что втулки токали
Цыплятами в скорлупах.

А наши ребята-строители,
Которые с солнцем на ты,

Идут, как идут победители
Со взятой в горах высоты.

Волна за волной, без просвета,
Машин ненасытных река,
Теплом человеческим согрета,
Несется в людских берегах.

Я в этой реке бесконечной
Лишь капля, ни дать и ни взять,
Легко мне со стайкой беспечной
Девчонок с работы шагать.

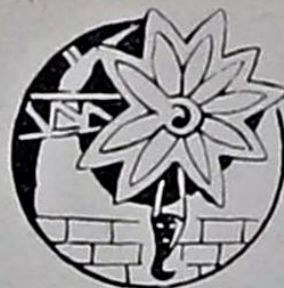
И пусть мы шагаем в брючатах,
И пусть впереди — ералаш,
Зато город шепчет: «Девчата,
Я ваш, я пожизненно ваш».

КИНОМЕХАНИК

Киномеханик Толя
 невысокого роста,
В кепке с ожогами масла,
 сбитой на правый глаз.
Киномеханик Толя
 приехал сюда не просто —
Приехал в бытовках ставить
 кинокартину для нас.
На танцплощадке девчата
 с ним танцевали редко
И «помазком» дразнили
 в шутку, такой народ!
Белую парусину,
 словно футбольную сетку,
Парни к стене привязали,
 загородили вход.
В закрытом на ключ коридоре
 молчит на скамейках бригада.
Стрекочет, будто кузнецик,
 один движок в темноте.

И Толя, словно волшебник,
колдует у аппарата,
И страшно, что он исчезнет:
миг — и не будет нигде.
Смотались, как нитки в катушку,
кадры со стенки в бабину,
Глохнет движок в бытовках,
кончился наш обед.
Шумно выходят девчата,
благодарят за картину,
Радостно улыбается
киномеханик вослед.

ПЛАНЕРКА

Сколько строим, а сами в клетушках.
Составляем графики, спорим.
В двухоконной конторке душно,
Вечер белой пургой зашторен.

Нет, не мелочи, и не жесты —
Память, главное удержи!
Голоса из гудящей жести,
Слов отточенные ножи.

Остаются слова морщинами
У прорабов на лбах озабоченных.
Очень туго на стройке с машинами,
Не хватает на стройке рабочих.

А прорабы знают об этом,
А прорабы за день устали,
Полушубки прошиты ветром
И в ушах
Гудят самосвалы.

Только это не самое главное.
Их усталость давняя, стойкая.
Вот случилось на стройке неладное —
И поедут в метель на стройку.

А на улице ветер мечется,
Зажигает звезды от месяца,
Звезды древние, вековечные.
А под ними новые светятся.

Это краны, звонкие краны
Напрягают лампы сильнее.
И от них на земле светлее
И вот это — главное.

В УБОРКУ

Ночь рабочая, ночь осенняя
Развела костер за деревнею.
От упавших искр занялись дома,
Из дворов ушла в огороды тьма.
Слышу стук копыт на кресте дорог,
Конотопку мнет колесом ходок,
Утомленный конь ржет, почуяв дом,
Это с поля к нам едет агроном.
Табунок овец прикорнул к плетню.
По рогам луна узнает родню.
На краю села, там, где гурт стоит,
Где в загоне скот, нажевавшись, спит,
Там до полночи говорит движок —
Это он столбы на току зажег.
С быстротой огня там идут дела,
Даже ферма вся на прорыв пришла.
Зернопульт жует из ведра зерно,
Ворох ржи блестит, как у плиты дно.
О наждак небес месяц точит серп,
Меркнут звезды, ночь идет на ущерб.

ПАМЯТЬ

Грохотала война где-то там, в Белоруссии.
У разбитых машин, на лесных большаках,
В гимнастерках простреленных
парни безусые
Закрывали глаза у сестриц на глазах.

А у нас в Зауралье было грибно и ягодно,
В огородах спокойно картошка цвела.
Но война из района неожиданно, негаданно
К нам в деревню вперед почтальона вошла.

Эту жуткую ночь ни старухи, ни женщины
До сих пор не могли и не могут забыть.
Они шили кисеты, а на сердце трещины —
Разве можно какой-нибудь ниткой зашить!

А мужчины курили и хмурили брови,
Горевали, что сено не успели сметать.
Потру избы

крыши повязали по-вдовьи
И одна из них стала похожа на мать.

ЧИХНАРА

Как живется тебе, речка,
Голубая Чихнара,
У хорошего местечка,
У Федотова двора!

Через солнце небо сеет
Голубые искры в снег.
И у вас зима не греет,
Или греет,
Да не всех.

Я не знала бы Федота,
Да в начале октября
Задержала непогода
У Федотова двора.

На столе парили чашки,
Грузный чайник горлом пел.
Дед Федот в простой рубашке,
Как на празднике, сидел.

Скоро вытают пригорки,
Закручинятся снега,
Воды, вытолкнув распорки,
Закачают берега.

И тогда, струясь беспечно,
У Федотова двора
Повстречает меня речка,
Голубая Чихнара

* * *

Мне снова хочется туда,
Где, затаив дыханье, ветер
Стоит на берегу пруда
И слушает, как стонут ветви.

Там ивы, тонкими руками
Цепляясь за некрепкий мох,
Наверх ползут, но будто камень,
Уходит берег из-под ног.

И облака, на зыби лежа,
Качаются, смежив глаза.
Со стороны они, похоже,
Лежат в тарелках на весах.

Сиж у темного окошка
С уснувшей веткой на руках.
В моих глазах плывет, как лодка,
Пруд, потонувший в облаках.

НА ПЕРРОНЕ

Мы у жизни всегда на подхвате.
Долетел до перрона гудок.
Скоро поезд вагоны подкатит
И замрет головой на восток.

На перроне, встревожен разлукой,
Старичок что-то парню твердит.
Я пришла попрощаться с подругой
И печалюсь, что время летит.

Забавляясь словами пустыми,
Прикрываем растущую грусть...
Было детство, деревня,
 полыни
У ограды разросшийся куст.

Если водятся бабки на свете,
Чтоб бранить и рассказывать сны,
Значит, ездит царевна в карете
Только где же! Места не ясны.

Разрешая такие вопросы,
О бурьян исцарапавшись в кровь,
Мы бежали к шоссе, а березы
Вслед кричали, что гонят коров.

Шли машины, сверкая расцветкой,
В те места, где царевна жила...
Чемодан. Через локоть жакетка.
Синий цвет затуманенных глаз.

Тебе трудно, мне тоже не сладко.
Ведь про все не напишешь в письме.
Ну, пора. Объявили посадку.
Так ищи меня в третьем окне.

Я смотрю. Вдруг поблазнилось:

«Дочка,

Ты не плачь,— старичок произнес.—
От одной вы березы листочки,
Только просто вас ветер разнес».

РОДИТЕЛЬСКИЙ ДОМ

Посредине деревни — озеро,
А по озеру тут и там
В огородах плетни приморозила
Вьюга-падера к берегам.

Как минуешь продрогшую мельницу,
То на правой руке, на краю,
Если встретишь амбар и поленницу,
Значит, встретил усадьбу мою.

Не прикрытый глухими ставнями,
Весь как есть, к соседу лицом,
Пятистенный, пропахший геранями,
Основался родительский дом.

Смотрит мама с надеждой доверчивой
Из окна на развилку дорог:
Уж не утром, так, может быть, вечером
Дочь приедет домой на денек.

Но бегут ребяташки колхозные,
Проезжают с зерном мужики...
Остаются в снегу под полозьями,
Как в конверте моем, две строки.

ЛЕТОМ

Как ребенок, задремал июльский день.
Ты его неосторожно не задень.
Видишь, тучи, а на цыпочках идут,
Будто воду в ведрах с озера несут.

Росы прячут свои серьги в конотоп
И ложатся на ромашковый сугроб.
Хорошо испить прохладу ветерка,
Когда дрема колобродит у виска.

А покамест посреди степных палат
Ходит-бродит подорожник наугад,
Шарит пальцами в испуганной траве,
Да тропинка не находится в ответ.

А теперь вот,
А теперь потерян след,
Пока солнца отшлифованный кастет
Черно-красных туч завесу не пробьет,
Ни один цветок до места не дойдет.

Посмотри! Открыл глаза июльский день,
И спросонья сдвинул месяц набекрень,
Тянет руки из-под облачных пелен,
Он, как я,
В тебя, Земля моя, влюблен.

. . .

Волглые тучи сохнут валками на небе,
Солнце бежит, трепыхая шафрановым гребнем.
Солнце-петух. Он драчлив и хвастливо спокоен.
Только вот я не найду в этом мире покоя.

Мысли мои улетели быстрее самолета.
Вот они там притаились, стоят у заплота.
В комнате тесно: и говор, и смех, и гитара.
Сотни речей произносятся в честь пивовара.

В фартуке новом, наверное, к празднику шит он:
— Кушайте, кушайте, ешьте, ребята, досыта.
Руки под фартук хоронятся.

Руки вы, руки!

Знали топор, и пилу и иглу не от скуки.

Помню, как ночью оглобли сосуткают глухо.
Лошадь уйдет от ограды в деревню без стука.
Кто-то легонько погладит лохматые космы.
Утром опять на столе только пряник молосный.

Утром опять только ветер качает деревья.
С криком гусей поднимается утром деревня.
Можно в бурьяне согнать с места старую клушу,
Можно и так на крыльце песню голубя слушать.

Мама, ты рада! Сегодня твое воскресенье.
Пусть там у вас ни на миг не стихает веселье.
Только под утро, когда приусыпятся сестры,
Ты уж приди и погладь мне лохматые космы.

* * *

Здесь небо ниже, воздух чище,
А ветер, отдохнув в степи,
Как Соловей-Разбойник, свищет
У недостроенной избы.

Моя деревня, что с тобою,
Не можешь ли ответить мне!
Ты вместе с первою травюю
Переменилась по весне.

Прибавилось воды в озерах,
Овец колхозных и своих,
На тракторах парней веселых,
Мальчишек на своих двоих.

Замолк движок —
И не услышишь,
Свет день и ночь в домах висит.
Теперь с кошачьими на крышах
Торчат телеантенн усы.

Моя деревня, я так рада,
Что ты другой идешь ко мне,
Хоть старый тополь у ограды
Столба соснового родней.

* * *

Ой вы, быстрые ноги стального коня,
Вы несите, несите, несите меня
В край колючих лесов, перемытых росой,
В край дурманящих трав, не побитых косой.

Еду стежкой-дорожкой, тропой полевой,
Обрываю листы на раките сырой.
И в награду за это — не две, не одна —
Сразу сотня росинок летит на меня.

Я педали бросаю: тебе, конь, лежать,
А меня целый год ожидала межа.
На меже сорок трав — сорок глаз, сорок рук.
Так что слушай!

К тебе возвращусь я не вдруг.

Я дышу, я смотрю, я вбираю в себя
Отражение солнца на шляпах опят,
Отражение дня у берез на стволах,
Незабытые песни трудящихся птах.

И сплавляются чувства
в простые слова:
Дай мне, родина, стойкость,
Как чуткость дала.

* * *

Какое солнце разноцветное!
А небо, небо-то какое!
Необозримое, приветное
И голубое, голубое.

За огородами поскотина.
Пасутся кони и телята.
О, моя маленькая родина,
Моя пахучая, как мята.

Ты ни о чем меня не спрашивай,
Как я живу, о чем тужу.
Ты знай себе коси-покашивай,
А я немножко посижу.

Мне хорошо, что степь колышится,
С литовки сыплется трава.
И где-то рядом песня слышится,
Да неразборчивы слова.

* * *

ОТЦУ

Искала твои следы
В своей семилетней выдумке,
В поле у лебеды,
В лесу на заброшенной вырубке.

Отец, я не помню тебя,
Но до сих пор не забыла,
Как уверяла ребят,
Что пуля тебя не убила,

Что ты самый смелый солдат,
Смелей, чем у брата в книжке.
Вернешься и будешь катать
Меня на правленском Рыжке.

Сегодня твоя родня
На вечеринке спесивой,
Как палкой, швырнула в меня:
Отец твой был боязливый.

Молчу, а рюмки звенят.
Тебя я так мало знаю.
Но здесь не моя родня.
Я среди них чужая.

Отец! Эти люди врут.
Нахально врут, бессердечно.
Я с ними на пять минут,
А ты со мною — навечно.

* * *

Наконец-то, опять раздвигаю руками я ветви
Белоствольных деревьев, пробираясь в середину леска.
Мама спрячет, бывало, на зиму с костянкою четверть,
Ох, потом, по весне, как была она нам дорога.

Мы ее уплетали с братишкой из белого блюда,
Вопрошая друг друга: мол, где и когда
Мама спрятать сумела хрустящее чудо,
Если в сене иголку мы и то бы нашли без труда!

Нет ни дома, ни брата, не близко отсюда деревня.
На сегодняшний день мне совет один нужен вот так.
Я по лесу иду. Но молчат на дороге деревья,
Только солнце блестит, да щебечут синицы в кустах.

Подойду я к березке, что ветку в листву одевает,
И с вершины взовьются грачи и начнут надо мной
голосить.

Расскажу ей про все: она старше, и кто его знает,
Может быть, и подскажет,
как дальше мне жить.

Береза пересохшим языком
Облизывает спекшиеся губы.
Такая духота стоит кругом,
Что, кажется, леса надели шубы.

О, вотчина моя! Я снова здесь,
В твоих листвой покрашенных хоромах
Как рада я, что ты на свете есть,
И ты, наверно, что я — снова дома.

Мне отчий край без жителей лесных,
Возможно, был не так уж интересен.
Дружище ветер, что же ты затих!
Ты пой мне, пой слова забытых песен.

Ты пой мне, пой, но только никогда
Не трогай то, что больше не вернется...
Так манит затаенная вода
В недавно обвалившемся колодце.

ОЗЕРО

Ух! Озеро-сковорода.
Бурлит кипящая вода.
Подкошенные ветром,
Со взмаха наповал
На два десятка метров
Идут — за валом вал.
А солнце накаляет
До красноты края,
И не шипит — стреляет
У берегов земля.
Боятся даже гуси
Сойти к воде с песка,
И только пена бусом
Мелькает у плотка.

* * *

Закат уходит в середину леса.
На озеро ложится темнота.
И можно воду ломтиками резать —
Она зеленовата и густа.

Ночные птицы громко обсуждают
Свои дела на птичьем языке.
Промокшие тростинки выдыхают
По трубкам воздух, стоя на песке.

Кузнечики куют в крапиве гвозди,
А над крапивой комары гудят.
Сейчас уйду, но до рассвета звезды
У озера на лодке просидят.

ПЕРВЫЙ ВОЗ

Перепоясанная штагом,
Подвязанная бастрыком,
Машина черепашьим шагом
Идет к деревне большаком.

Собаки громогласным лаем
Оповещают: первый воз
Кузнец Семен Ильич Исаев
Домой с поскотины привез.

Сельчане смотрят, судят, рядят,
Мальчишки, озорной народ,
Бегут за сеном: может, дядя
Их до усадьбы довезет.

Людскою лаской обогрето,
От пыли утирая лоб,
Под гребень стриженое лето
Роняет слезы в конотоп.

СЕНОКОС

Спеют копны у каждого колочка.
Надави — брызнет ягодный сок.
Сенокос хрустит хлебной корочкой,
Попивает холодный квасок.

По-хозяйски валок потрогаю,
Если высох, заворошу.
А потом постою немного я
И на солнышко погляжу.

Высоко оно! Высоко еще!
Летний день не усадишь в год.
Я поставлю такой зародище,
Что руками всплеснет народ.

Завершу его длинной вицею,
Чтобы ветер траву не раздул.
И под вечер усталой птицею,
Как в гнездо, на межу упаду.

Буду я родниковые росы
Из ромашковых блюдец пить.
И меня золотистые осы
Станут теплым медом кормить.

Сядут волки у кромки отавы,
Спросят ласково: «Чем помочь!»
Разве могут звери и травы
Разлюбить пастухову дочь!

* * *

Лес шумел приветливо и ровно,
Только в листьях прятался обман —
Так вот убаюкивает волны
Перед бурей зыбкий океан.

Мы, по всем приметам, заблудились
Под вечер, без хлеба, без воды.
Нас куда-то завели и скрылись
Костяники красные следы.

Я была не опытней подружек,
Но в лесу считалась за свою.
Я по солнцу, по свисткам пичужек
Знала, что деревня в том краю.

И запахло от берез тревогой,
И удушьем подкатился страх:
Может, мы идем не той дорогой,
Может, я ошиблась в свисте птах!

* * *

Среди разлапых сосен,
Где не найдешь тропы,
Иду, шагаю в осень
По белые грибы.

Мой компас над сосною —
Надежный проводник.
Мой кузовок со мною,
Не мал и не велик.

Брусничинка, брусника,
Брусничный огонек.
От солнечного блика
Солнечен пенек.

У веточки колючей
Иголочки свои.
На муравьиной куче
Страдают муравьи.

Смышляют пищу лоси у пашенной избы.
А я шагаю в осень по белые грибы.

* * *

Листья желтые, листья красные
Мягко падают в руки мои.
Непросохшей осенней краскою
Отдает от сырой земли.

Под валежником пусто и холодно,
Как внутри водосточной трубы.
Нет в лесу ни грибов, ни овода,
Но березы белей, чем грибы.

Они, словно цветы шафранные,
До краев желтизной налились.
Выжимай сок и пей стаканами —
Так тяжел неопавший лист.

Под весенней небесной просинью
Распускается лес и растет,
Зеленеет все лето, а осенью
Каждым деревом расцветет.

* * *

Облысели крутые пригорки.
Показалась сухая трава.
Веет ветер полынью горькой
На скупые мои слова.

Скоро птицы, как крошку хлеба,
Принесут в своих клювах апрель.
А пока надо мною небо
Налилось, как большая капель.

Я шагаю к колхозным фермам
И смотрю, как ручьи точат снег,
Потому что он выпал первым
И отжил свой недолгий век.

* * *

В серых тучах нет просвета.
Солнце спряталось в трубу.
Мелет мельница-планета
Снег на белую крупу.

Жернова земли и неба
Поворачиваются.
Я иду по хлопьям снега,
Как по лесенке крыльца.

* * *

Пусть ветер дует ставню в ухо
И прячется возле стены,
У нас в избе тепло и сухо
И мне светло среди родных.

Как будто, обметая ноги,
Возле промерзшего угла,
Я заодно свои тревоги
С колючим снегом обмела.

* * *

За окном мороза борода,
Холодно и вьюжно за окном.
В комнате густеет темнота.
Думаем — и каждый о своем.

Так зима за потеплевший день
Хочет спрятать свой жестокий нрав,
Так за человеком ходит тень,
Если он не прав.

* * *

Медведицы ковшик висит на дому.
А я подхожу все ближе.
За ручку взяла, звезд зачерпну
И белых,
и синих,
и рыжих.

* * *

Здравствуй, разногривая
Роща шаловливая,
С клевером некрошенным,
С визирем некошенным.

Здравствуй, белопенное
Озеро степенное,
С чайкой голосистою,
С рыбою икристою.

Я пойду по бережку,
По сухому гравию.
Спой мне, ветер, песенку
Без конца, заглавия.

Вот и вновь я встретила
Вас, друзья-приятели.
Только не заметила,
Где ж вы детство спрятали!

* * *

У меня был в детстве дружок,
У него — отцова гармошка.
Он ее ото всех берег,
Только мне давал на немножко.

Он меня доводил до слез,
Но и первым ходил мириться.
Нес любимый свой паровоз
И в кармане конфет на гостинцы.

Годы, годы, как с гуся вода.
И несет на удар, на удачу.
Я сейчас мирюсь не всегда.
Я сейчас очень редко плачу.

Но когда не верю словам
И сомнений становится лишка,
Я тогда ухожу к друзьям,
Вот к таким, как этот мальчишка.

* * *

В первый раз из гнезда птенец
Самовольно падает вниз.
Может быть, ему здесь конец,
Никогда не взлетит он ввысь.

Не успев разлепить глаза,
Не успев бока облизать,
Поднимается с полу телок
На тростинках слабеньких ног.

Только в озере плавает гусь,
Только к солнцу тянется куст.
Только боль переходит в грусть.
Только я от себя таюсь.

* * *

Это смешно сейчас, это — смешно.
Я так старалась, словно первоклассница,
Пыталась приспособиться, понравиться,
Но, видимо, мне это не дано.

И хочется смеяться,
как помешанный

Смеется, задыхается в припадке.
А ум кричит: «Не здешняя, не здешняя —
И не привыкнешь к здешнему порядку».

О, где моя свобода, воля-волюшка
И небо голубое под рукою!
Вот почему становится так горестно,
Что бился бы о стекла головою.

Душа моя — мой стебелек ромашковый.
Куда тебя я! Где же это видано!
И почему так страшно, страшно, страшно!
И почему так стыдно!

* * *

Где же слезы горечи,
Чтобы сразу тишь,
Словно с детской горочки
К бабушке бежишь!

Где же слезы горечи —
Два луча из глаз!
В той деревне горочки
Стаяли сейчас.

Я смотрела:
Летом,
В високосный зной,
Плакали рассветы
Светлою слезой.

Я смотрела: реки,
Они в дождь и гром
Утирали веки
Грозным платком.

— Ах, зачем березы,
Ах, зачем кусты
Копят в листьях слезы! —
Спрашиваешь ты.

Что тебе ответить!
Что тебе сказать!
Как из тонких веток
Дерево связать!

Брошу. Озадачу.
И уйду пряма.
Никогда не плачу.
Не схожу с ума.

* * *

Уходит друг по той дороге,
Где нет столбов, где нет огней,
А он мне стал всего дорожке,
Всего дорожке, всех родней.

Окликнуть бы, вернуть обратно,
Открыть скрипучее окно.
И вновь бы стало все понятно,
И было б все, как быть должно.

Уходит дальняя дорога
Через леса в ночную тьму.
Как ему трудно, одиноко,
Как бесприютно одному.

И закричать — он не услышит.
Холодный ветер ивы гнет,
Деревья серые колышет,
Поземку белую метет.

* * *

Не включай транзистор, пусть стоит ночная,
Трепетная горная тишина.
Пусть, на синем пламени медленно сгорая,
Истомится пеплом дикая сосна.

Пахнет липой, пахнет травкою матрешкой.
Ручеек бормочет что-то вдалеке.
Склон пересекает зыбкая дорожка
И уходит в зарослях по камням к реке.

Отчего часы твои беспокойно тикают,
Если сохнут весла, еще ночь темна!
Помолчим, послушаем нашу пристань тихую,
Пока домик глиняный не снесла волна.

* * *

Впадины, как мертвые озера,
Горы, как крутые берега.
Ходят пихты долгие века
От вершин и до густого бора.

Камни крутолобые лежат.
Камни, сколько лет вам, расскажите!
Может, здесь когда-то билось жито
Тысячи ли, сотни лет назад!

Вот какой ты,
Батюшка Урал!
В холод жив и в пламень несгораем.
Стелются дымы над Таганаем,
Видно, где-то плавится металл.

Я к тебе с приветом от степей.
Там такое солнце — в три обхвата,
Там горят восходы и закаты
Ярче твоих доменных печей.

А какие травы у Тобола!
И совсем не бурая земля.
Смотрят в небо отчие поля,
Небо не насмотрится на села.

Чему быть — тому не миновать.
Видимо, придется мне отныне
Здесь грустить о зарослях полыни,
А в степи о скалах вспоминать.

* * *

Старинный русский городок,
Заросший кленами и липой,
Протяжный волжский говорок
И дождик, длительный и липкий.

Я не приехала сюда,
Я оказалась здесь случайно.
И провожать мне поезда
Бестрепетно и беспечально.

А люди ходят,
Люди ждут.
Они торопятся куда-то.
И ткуются ниточки минут
В ковер холодного заката.

Я знаю, завтра будет час
Такой. И все ж не повторится.
Я позабуду эту грязь
И этот дождь, и эти лица.

И только добрый уголок
Моей души, лесной и дикой,
Запомнит этот городок,
Заросший кленами и липой.

* * *

Когда вскипит уха и будет чай готов,
И вспыхнет свечка на столе походном,
И закружатся стаи мотыльков
Над свечкою пушистым хороводом,

Тогда придут башкиры, не спеша
Усядутся под липой вековой,
А мы к столу их станем приглашать,
А мы их станем угощать ухой.

Они в горах живут давным-давно.
Они расскажут, что за тем обрывом
Есть озеро с форелью, и оно
Огромно и бездонно, и красиво,

Потом, когда затихнет разговор,
Мы будем слушать, как плывет куда-то
По тихим склонам европейских гор
Тоскующая песня азиата.

* * *

Парни спят, их толчки не будят.
Парни спят, голова к голове.
Не смотрите, пожалуйста, люди,
Проходите мимо купе.

Что им снится! Не знаю, что снится
Среди стукотной тишины.
У парней спокойные лица,
Вероятно, спокойные сны.

Сколько суток все трактор, трактор...
В поле ешь и на поле спи,
А за пыльной ленточкой тракта —
Продолженье дремотной степи.

За окном промелькнул товарник,
Скрылась будочка у моста.
У окна отсыпаются парни —
Казахстанский идет состав.

* * *

Начинается день с утра,
Начинается день с работы.
В семь часов гудят скрепера,
МАЗы пробуют повороты.

В семь часов я прочно сижу
В тесном кузове тряской машины.
Я сижу, ни о чем не тужу,
Навалясь на стенку кабины.

И везет меня, и трясет,
И летят подо мной колеса.
А вокруг меня мой народ,
А вокруг меня мир белесый.

Так вчера и позавчера,
С понедельника до субботы:
Начинается день с утра,
Начинается день с работы.

* * *

В небе звезды, словно птичьи гнезда,
Светятся высоко, высоко.
Для того, чтоб ни один подросток
Не забрался дерзкою рукой.

Городские звезды,
А как дома,
В деревушке маленькой моей.
Я иду по улицам знакомым
Мимо окон, мимо фонарей.

Тишина, а только дунет ветер —
Чудится пожатье васильков,
Озеро прохладой синей светит
В черные изгибы берегов.

Тишина, и ветер тише,
Тише.
Чем-то острым тянет от земли.
Вот опять скрипят, опять я слышу,
В городе скрипят коростели.

Жизнь, ты будто на две половины
И они обе горячи.
Ну, а сердце тоже не едино —
Надвое, а все-таки стучит.

ДЕРЕВЬЯ

Деревья ходят ночью.
Как улицы уснут,
Они поодиночке
По городу идут.

Им лица обдувает
Крутой свежак,
На шубах выступает
Густой куржак.

Когда же рассыпается
Первая звезда,
Деревья возвращаются
На свои места.

* * *

Опять кирка, опять лопата
И тачка — верная сестра.
Сидят веселые ребята
У догоревшего костра.

Под синим абажуром неба
Висит холодный свет луны.
Из нас никто на небе не был,
Мы больше
На земле нужны.

Бетонщики и мотористы —
Строители цехов и трасс.
К нам приезжают журналисты
И пишут очерки о нас.

В них все диковинно и ярко,
И только жаль, что ветра нет.
И нам ни холодно, ни жарко,
Когда мы смотрим из газет.

Да, мы ни разу не летали
На межпланетном корабле.
Мы в это время стены клали,
Носили землю по земле.

ЗЕМЛЯ

Проходит земля
Между ярких светил,
Проходит земля
Через млечный настил.

Земля, она тоже
Живая душа.
Минуты не может
Прожить не спеша.

НАДПИСЬ НА КАМНЕ

Я по камню, по камню
Стучу: тук да тук.
Я оставлю, оставлю
Свою горсточку букв.

После осени влажной,
Потом, по весне,
Из-под буквы каждой
Прорастет по сосне.

Будут сосенки стлаться,
Загораживать путь,
Из холодного сланца
Иглы к солнцу тянуть.

Только осенью влажной,
В голубой тишине,
Будут песней протяжной
Вспоминать обо мне.

СОДЕРЖАНИЕ

Я пока еще мало на свете живу	7	Наконец-то, опять раздвигаю руками я ветви	47
Разжимают одна по одной кулаки	9	Береза пересохшим языком	48
Искры земли	11	Озеро	49
Я приехала в город на попутной машине	12	Закат уходит в середину леса	50
Не думала сама я стать поэтом	14	Первый воз	51
Свадьба	17	Сенокос	52
Кочегар	19	Лес шумел приветливо и ровно	54
После смены	21	Среди разлапых сосен	55
Киномеханик	23	Листья желтые, листья красные	56
Планерка	25	Облысели крутые пригорки	57
В уборку	27	В серых тучах нет просвета	58
Память	28	Пусть ветер дует ставню в ухо	59
Чихнара	29	За окном мороза борода	60
Мне снова хочется туда	31	Медведицы ковшик висит на дому	61
На перроне	32	Здравствуй, разногривая	62
Родительский дом	34	У меня был в детстве дружок	63
Летом	36	В первый раз из гнезда птенец	64
Волглые тучки сохнут валками на небе	38	Это смешно сейчас, это — смешно	65
Здесь небо ниже, воздух чище	40	Где же слезы горечи	66
Ой вы, быстрые ноги стального коня	42	Уходит друг по той дороге	68
Какое солнце разноцветное!	44	Не включай транзистор, пусть стоит ночная...	69
Искали твои следы	45	Впадины, как мертвые озера	70
		Старинный русский городок	72
		Я вернусь еще к вам, купола	74
		Приехать в незнакомый край	75
		Когда вскипит уха и будет чай готов	76
		Парни спят, их толчки не будят	77
		Начинается день с утра	78
		В небе звезды, словно птичьи гнезда	79
		Деревья	81
		Опять кирка, опять лопата	82
		Земля	84
		Надпись на камне	85

Андреева Любовь Харитоновна

Стриженое лето. Стихи. Челябинск, Южно-Уральское кн. изд., 1970.

87 с.

P2

Редактор **А. Н. Еранцев.** Художник **Ю. М. Бунов.** Художественный редактор **А. В. Гилев.** Техн. редактор **Н. Г. Сартакова.** Корректор **С. А. Кулакова.**

Сдано в набор 18/XI-1969 г. Подписано к печати 18/II-1970 г. ФБ02083. Формат бумаги 60 × 90^{1/32} — 2,75 печ. л., 2,23 уч.-изд. л. Тираж 10 000 экз. Бумага № 2. Изд. № 2809.

Южно-Уральское книжное издательство, г. Челябинск, пл. Революции, 2. Областная типография Челяб. обл. управления по печати, г. Челябинск, ул. Творческая, 127. Заказ № 2444. Цена 24 коп.

24 н.

**ЮЖНО-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1970**